

В. В. КУЧМА

**«СТРАТЕГИКОС» ОНАСАНДРА
И «СТРАТЕГИКОН МАВРИКИЯ»:
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

**1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.
ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ**

Военно-теоретическая мысль византийцев получила свое воплощение в многочисленных памятниках военной литературы, создаваемых на протяжении многих столетий. Эти памятники, весьма различные по целям, задачам и способам их создания, чрезвычайно разнообразны по тематике, значительно отличающиеся друг от друга ценностью содержащейся в них информации, представляют собой тем не менее единый ансамбль, позднейшие звенья которого обязаны своим существованием предыдущим. Подобная преемственность была вызвана к жизни глубокими объективными причинами. Главная из них заключается в специфических особенностях и закономерностях развития самой военной науки.

Война есть одно из самых изначальных проявлений социальной деятельности. «Война, — указывал К. Маркс, — есть один из самых первобытных видов труда каждой из этих естественно сложившихся общин как для удержания собственности, так и для приобретения ее»¹. Будучи социальной, военная деятельность всегда является коллективной — в ее орбиту втягиваются одновременно более или менее значительные (как по численности, так и по общественной значимости) людские контингенты. Накапливаемый в процессе занятия этой деятельностью коллективный опыт настоятельно требует осмысления, систематизации и обобщения. Подвергнутый такой обработке в трудах военных теоретиков, он реализуется в виде конкретных установок и рекомендаций, вновь рассчитанных на дальнейшее практическое применение.

Отличительная особенность военной науки состоит в том, что традиция играет в ней большую роль, чем в других отраслях; тесная преемственность в накоплении и передаче знаний является ее квалифицирующим признаком. С учетом указанных обстоятельств становится понятным, что военный трактат, написанный без учета предшествующей традиции, не имел права на существование — в лучшем случае он мог быть плодом чистого теоретизирования. Но область военного дела представляла собой слишком обязывающую материю: столкновение такой умозрительной теории с реальной практикой могло обернуться самыми неблагоприятными последствиями, затрагивающими жизненно важные сферы общественного бытия. Письменная традиция передала в руки современного исследователя лишь те памятники военной литературы, которые заслужили право на внимание к себе со стороны современников и потомков либо в качестве практических руководств, рассчитанных на непосредственное применение, либо в качестве произведений, формулирующих идеал организации армии, поведения солдата и военачальника в бою. Впрочем, лучшие военные сочи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 480.

нения эпохи античности и греческого средневековья соединяют в себе оба эти элемента: рисуемый в них военно-теоретический идеал есть абстракция, являющаяся отражением реальной боевой практики и рассчитанная на последующую практическую реализацию.

Античная и византийская военная наука является результатом деятельности многих поколений военных писателей. Памятники подобного рода соединяются в неразрывно связанную цепь. Неминуемая утрата отдельных звеньев этой цепи не угрожает цельности единого ансамбля — недостающие составные части сравнительно легко реконструируются путем синтезирования сообщений о них в позднейших памятниках.

Практически в каждом военном трактате (особенно в тех из них, которые строятся по образцу энциклопедий, т. е. являются универсальными по своему содержанию) можно достаточно определенно разграничить свидетельства трех основных типов: почерпнутые из собственного опыта, заимствованные из старых военных руководств, но приспособленные к потребностям современной войны и, наконец, содержащие историко-иллюстративную информацию.

Преклонение перед авторитетом «древних» в области военной науки проявляется еще более определенно, чем в других отраслях знаний. Военный писатель прежде всего озабочен тем, чтобы максимально полно и как можно более точно воспроизвести рекомендации своих предшественников по профессии. На обобщение современной боевой практики автор идет уже в последнюю очередь, причем делает это чаще всего без подчеркнутого энтузиазма: собственные наблюдения и выводы представляются ему гораздо менее значительными, чем освященные вековыми традициями свидетельства «древних».

Еще в большей степени, чем к античным греческим и римским, это относится к писателям, которых уже можно именовать собственно византийскими, — тем, чья деятельность начинается с VI в. (рубежом здесь является царствование Юстиниана). В их эпоху — эпоху краха античной военной организации, относительного упадка науки, техники, искусства, культуры — достижения военно-теоретической мысли «древних» рассматривались в качестве достойного подражания идеала, и это действительно отражалось объективно сложившееся положение дел. Поэтому всемерное следование старым образцам, текстуальные заимствования, стилистические и композиционные подражания становились нормой творческого метода византийского военного писателя.

Заслуга лучших исследователей византийской военной традиции — Г. Кэхли и В. Рюстова, Р. Вари, А. Дэна заключается в обосновании неразрывной связи, взаимозависимости, взаимообусловленности памятников военной науки, в доказательстве «ансамблевидного», «хороводного», «цепеобразного» их состояния. В связи с этим идеи авторов, стоявших у истоков военной науки (Эней, Онасандр, Элиан), будучи трансформированными через несколько последующих адаптаций, можно обнаружить в произведениях, завершающих эту многовековую коллекцию («Тактика Льва», «Тактика Никифора Урана»). Вся письменная традиция военных трактатов оказывается пронизанной некоторыми магистральными идеями, которые играют роль стержней, обеспечивающих целостность всей конструкции.

Подход к письменной военной традиции как к объекту целостному и компактному — основополагающий методологический принцип военно-исторических исследований. Лишь его применение в историографии последнего столетия поставило эти исследования на подлинно научную основу.

Однако было бы ошибочно полагать, что этот принцип имеет универсальное значение. Его абсолютизирование содержит в себе некоторые негативные потенции, которые могут реализоваться в ходе конкретных исследований. К настоящему времени, как нам кажется, они уже реализовались по крайней мере в двух основных направлениях.

Правильная исходная установка относительно целостного, компактного ансамбля памятников военной литературы античного периода и византийской эпохи постепенно скорректировалась в представление о том, что эти памятники мало отличаются друг от друга, что общего в них больше, чем индивидуального, что все они лишь бесконечные вариации на одну и ту же тему. Выполненные по последнему слову науки издания военных трактатов, сопровождаемые детальными указателями параллельных мест, скрупулезные текстологические исследования Р. Вари и А. Дэна, обнаруживших адаптации, парафразы, заимствования, компиляции в трактатах, отстоящих друг от друга иногда на целое тысячелетие, изящество и легкость, с которыми Дэн реконструировал целые своды военно-научных знаний, те многочисленные «*Tactica perditia*» и «*Corpus perditum*», которые до наших дней не дошли, но о содержании которых Дэн писал так, как будто они были перед его глазами, определяя с достоверностью не только их источники, но и указывая точное количество их разделов, глав и параграфов², — все это, поражая воображение неспециалистов, невольно еще больше нивелировало в их глазах анализируемые военно-научные сочинения.

Разумеется, ни Вари, ни Дэн, ни другие представители «филологической школы» субъективно не повинны в подобных ошибочных выводах — последние делались помимо и вопреки их воле. Как ни парадоксально это звучит, такие выводы являлись объективным следствием блестящих успехов «филологической школы», рассматривающей военный трактат исключительно в качестве литературного произведения, на фоне почти полного отсутствия исследований содержащихся в трактате военно-исторических реалий, «привязывающих» трактат к той или иной эпохе, делающих его историческим памятником.

Из тех же установок о целостности военно-литературной традиции вытекает и второе ошибочное представление — о перспективах развития военно-теоретической мысли от эпохи античности к византийской эпохе. В сознании исследователей укоренилось представление о том, что сущность этой эволюции заключается в постоянной деградации античной военной теории. Сейчас трудно установить истоки подобных воззрений и назвать имена их основоположников — по крайней мере уже Г. Дельбрюк говорил об этом как о факте вполне обоснованном. В современной историографии такие идеи открыто не высказываются, но они и не опровергаются, а, следовательно, молчаливо разделяются многими исследователями. И опять можно констатировать, что изыскания представителей «филологической школы» вновь невольно способствовали укреплению этого ошибочного мнения. В самом деле, если удастся обнаружить, что «Византийский Аноним VI в.» преподносит в качестве новых идей, известные еще Энею, писавшему на 900 лет ранее, если «Тактика Льва» лишь парафразирует свидетельства «Стратегикона Маврикия», хотя их разделяет трехвековой промежуток времени, если в «Тактике Никифора Урана» соседствуют свидетельства, одни из которых старше других на тысячелетие, то какой еще вывод можно сделать из этих фактов?

Характерно, что указанные оба негативных вывода обращались именно против византийского периода в развитии латинской и грекоязычной военной литературы. Различия между античными трактатами Энея и Витрувия, Асклепиодота и Онасандра, Фронтина и Элиана были заметны невооруженным глазом — прежде всего в плане тематического разнообразия. Для византийского же периода, когда господствующим становится жанр военных энциклопедий, творческая индивидуальность отдельных авторов размывается, нивелируется общностью их тематики и методологии. Среди античных военных авторов можно назвать таких, которые были первооткрывателями отдельных сфер, аспектов, проблем военной науки. Эней был первым, кто заложил основы теории осады и обороны городов. Онасандр впервые сформулировал морально-этические критерии долж-

² См.: Dain A. Les stratégistes byzantins. — ТМ, 1967, 2.

ности главнокомандующего. Фронтин вошел в историю военной науки как основоположник жанра «стратегем» — сборника военно-исторических иллюстраций деятельности великих полководцев древности. Такие примеры можно продолжать бесконечно, опускаясь от более общих проблем к более конкретным и частным. Гораздо труднее обнаружить новое в сочинениях византийских военных теоретиков: на поверхности это новое не лежит, в поисках его необходимо осуществить детальный анализ содержания этих сочинений, при этом непременно сопровождая его сопоставлениями с военной практикой, зафиксированной в исторических памятниках иных жанров.

Ошибочное представление об однотипности, схожести, неразличимости памятников византийской военной литературы опровергается в результате сравнительного анализа их содержания. Попытки такого рода предпринимались нами неоднократно в предыдущих работах ³. В настоящей статье мы произведем сравнительный анализ двух более удаленных друг от друга по времени военно-научных сочинений, одно из которых («Стратегикос» Онасандра) датируется второй половиной I в. н. э. и, следовательно, относится к периоду расцвета античной военной науки, другое («Стратегикон» Маврикия) символизирует византийскую эпоху в ее развитии.

Выбор для сравнительного анализа именно этих двух трактатов не является случайным. Как будет показано ниже, оба они сыграли выдающую роль в развитии теории и практики военного дела, оставили глубокий след в военно-литературной традиции. Оба они универсальны по своему содержанию: их авторы в меру своих сил и возможностей стремились к энциклопедическому охвату проблем военной науки. Оба трактата, по заявлениям их авторов, базируются на осмыслении и обобщении данных боевой практики, опыта военных кампаний. Вместе с тем авторы демонстрируют хорошую теоретическую подготовку, знакомство с предшествующей литературой их жанра. Наконец, главная цель создания обоих произведений, также по словам самих авторов, заключалась в выработке конкретных практических рекомендаций, рассчитанных на применение в условиях боевой действительности.

Прежде чем приступить к анализу, мы считаем необходимым дать более полную характеристику каждого из трактатов. Эта необходимость представляется особенно настоятельной в отношении «Стратегикоса» Онасандра, поскольку в отечественной историографии (как дореволюционной, так и советской) такая попытка предпринимается впервые.

Все сведения о личности автора «Стратегикоса» исчерпываются краткой справкой, которую дает «Суда»: Ὀνόσαυδρος, φιλόσοφος πλατωνικός. Τακτικά. Περὶ στρατηγικῶν. Ἰστορῆματα εἰς Πλάτωνος πολιτείας. Остается неясным, почему Онасандр здесь именуется «платоническим философом»: потому ли, что в действительности принадлежал к этому направлению античной философии ⁴, либо потому, что он написал не дошедшие до нас записки о платоновской «Политии». Не вполне ясен и вопрос об объеме военно-литературного наследия автора. Если понимать сообщение «Суды» буквально, речь идет о двух военных сочинениях: «Тактика» и «О военных хитростях». Авторы издания 1923 г. вносят конъектуры в это сообщение и приходят к выводу, что здесь упомянуто только одно произведение ⁵, а именно то, которое вошло в литературу под наименованием «Стратегикос».

Написание имени нашего автора в рукописях встречается в трех вариантах: Оносандр, Оносандр, Онасандр; мы предпочитаем последний ⁶.

Ключ к датировке трактата дает авторское посвящение его Квинту Веранию, который занимал должность консула в период царствования императора Клавдия (41—54) ⁷. Трактат обычно датируется второй половиной I в., временем Клавдия или Нерона ⁸, скорее всего не позднее 59 г. ⁹

Трактат Онасандра пользовался громадной популярностью среди издателей и переводчиков ¹⁰; ему посвящена обширная историография ¹¹, содержащая оценки весьма противоречивые и существенно различные, иногда диаметрально противоположные.

Если на протяжении всей византийской эпохи, во времена Ренессанса,

в течение XVII и XVIII столетий трактат оценивался исключительно высоко, то начиная с XIX в. он стал подвергаться все более и более резкой критике, пока, наконец, два выдающихся авторитета в области военной науки — Г. Кэхли и В. Рюстов — не пришли к выводу о полной непригодности сочинения Оносандра для характеристики античного военного искусства¹². Их мнение оказало существенное воздействие на историографию. С подобной оценкой полностью солидаризировался Г. Дельбрюк¹³; многие авторы других обобщающих трудов по истории военного искусства вообще не упоминают Оносандра и его сочинение¹⁴.

В наиболее завершенной форме резко отрицательная оценка «Стратегикоса» была сформулирована М. Йенсом¹⁵. Он пришел к выводу, что трактат не оправдывает надежд, возникающих при ознакомлении с его планом и введением. Правда, сочинение не лишено отдельных интересных идей, но это, скорее всего, заслуга не самого Оносандра, а источников, которыми он располагал. Провозглашенная же во введении программа — уяснить причины успехов римского оружия — остается фактически нереализованной. Автор ограничивается лишь констатацией этих успехов, всячески восхваляя доблести римских военачальников. Изложение материала ведется в абстрактно-теоретической форме, анализ военно-истори-

³ См., например: *Кучма В. В.* К вопросу о критериях достоверности сведений «Тактики Льва». — АДСВ, 1972, 8; *Он же.* «Тактика Льва» как исторический источник. — ВВ, 1972, 33; *Он же.* Византийские военные трактаты VI—X вв. как исторический источник. — ВВ, 1979, 40.

⁴ Именно этого мнения придерживаются авторы англо-американского издания, которым мы пользуемся: *Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander*. L.; N. Y., 1923 (далее — *Onasander*), p. 343 sq.

⁵ *Onasander*, p. 343.

⁶ По этому вопросу см.: *Peters W.* Untersuchungen zu Onasander. Bonn, 1972, S. 7, Anp. 1. А. Дэн (Op. cit., p. 328), отмечал, что форма «Оносандр» является древней дорической формой, известной на Кипре (а наш автор был именно киприотом) вплоть до христианской эры. Наиболее древняя и достоверная из «военных» рукописей — *Laurentianus gr. LV-4* — содержит именно эту форму. Средневековая традиция обычно использует форму «Оносандр» — именно в таком написании это имя зафиксировано в «Суде»; оно же упомянуто в заглавии «Тактики Никифора Урана» (см.: *Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos*. P., 1937, p. 13), хотя несколько более ранняя «Тактика Льва» предпочитает форму «Онесандр» (PG, t. 107, col. 884B). В настоящее время форма «Оносандр» признана большинством исследователей несостоятельной; из двух оставшихся новейшая литература отдает предпочтение форме «Онесандр» — она рассматривается в качестве основополагающей.

⁷ Ряд соображений по поводу происхождения Оносандра и его связей с фамилией Вераниев высказан А. Дэном, см.: *Dain A. Les manuscrits d'Onésandros*. P., 1930, p. 140—143.

⁸ *Jähns M.* Geschichte der Kriegswissenschaften. Erste Abteilung. München; Leipzig, 1889, S. 91, Anm. 1.

⁹ *Onasander*, p. 347—348.

¹⁰ Первые публикации латинского текста появились в конце XV и начале XVI в. в Риме и Париже; в течение XVI в. были осуществлены его переводы на испанский, немецкий, французский языки. Первое научное издание было предпринято в конце XVI в. (*Rigaltius N. Onosandri Strategicus, sive de imperatoris institutione*. Parisiis, 1598). Трактат неоднократно переиздавался в XVIII в.; лучшей является публикация: *Schwebelius (Schwebel) M. N. Onasandri Strategicus*. Norimbergae, 1762 (с хорошим по тому времени критическим аппаратом и французским переводом). В XIX в. трактат был впервые (и единственный раз) издан в России в параллельном русском переводом: *Оносандра* наставления военачальникам/ Переведенные с греческого и изданные с греческим текстом, примечаниями и таблицами бароном Ф. Стюартом. СПб., 1828. В текущем столетии появились еще два издания: указанное выше англо-американское 1923 г. и будапештское 1935 г. (*Onasandri Strategicus*/ Ed. E. Korzensky, R. Vari. Budapestini, 1935). Полную сводку всех публикаций см.: *Jähns M.* Op. cit., S. 93—94; *Onasander*, p. 354—361; *Dain A. Les stratégistes*, p. 327—328; *Peters W.* Op. cit., S. 254 sq.

¹¹ Наиболее полная сводка: *Peters W.* Op. cit., S. 280—283.

¹² *Rüstow W., Köchly H.* Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhos. Aarau, 1852, S. VIII.

¹³ *Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. 2. Auflage. B., 1923. T. II, S. 210.

¹⁴ См., например: *Kromayer J., Veith G.* Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer. München, 1928.

¹⁵ *Jähns M.* Op. cit., S. 92.

ческих реалий полностью отсутствует, о собственно римском военном искусстве практически не сказано ничего. Бросается в глаза своеобразный страх Онасандра перед тонкостями военной технологии. В его концепциях преобладают воззрения, вдохновленные идеями македонской тактики времен Александра и диадохов; круг проблем ограничен пределами, установленными еще во времена Ксенофонта и Полибия. Автор излагает свой предмет без воодушевления и критического благоразумия; не различаются ни времена, ни народы, отчего текст трактата изобилует общими местами. Как заключает Йенс, уровень подготовки Онасандра и качества его как писателя совершенно не соответствовали грандиозности задуманного им предприятия — подходящей для этого фигурой этот философ-платоник отнюдь не был.

С 20-х годов нашего столетия отношение к Онасандру вновь стало меняться — на этот раз в благоприятную сторону. Начало было положено англо-американским изданием 1923 г., уже во введении к которому развивается тезис о том, что при построении принципов военного искусства невозможно избежать общих мест. Дело заключается не в них самих, а в способах их применения и интерпретации. Подчеркивая значение «Стратегикоса» для развития военной науки, издатели ссылаются на авторитет Морица Саксонского, заявившего, что принципы и правила, излагаемые Онасандром, способны сформировать великого военачальника¹⁶. Обратившийся к изучению «Стратегикоса» А. Дэн¹⁷ фактически обошел вопрос о ценности этого сочинения — интересы французского исследователя в данном случае не выходили за рамки палеографии. Сдержанного тона придерживались и венгерские издатели трактата¹⁸. Но во всяком случае эти оценки являлись позитивными, что характерно и для других работ Р. Вари¹⁹. Решительно и последовательно ценность «Стратегикоса» отстаивал Ф. Ламмерт: для него тактика Онасандра не есть что-то противоречащее и враждебное исторической действительности — наоборот, она есть зеркало современной автору ситуации в области военной теории и практики²⁰. В советской историографии, где трактат Онасандра еще не был объектом специального изучения, практически единственный отзыв о нем является весьма положительным²¹.

Реабилитация сочинения Онасандра в глазах современного читателя — основная задача, которую поставил перед собой автор новейшего, наиболее полного исследования «Стратегикоса» В. Петерс²². Он пришел к выводу, что это сочинение покоится на солидной теоретической и фактической основе. Содержащиеся в нем идеи имеют параллели в лучших образцах военно-теоретической и военно-исторической литературы, берутся у крупнейших военных авторитетов и опираются на фундамент практического опыта. Вместе с тем, отмечает Петерс, трактату свойственны и некоторые недостатки: остались лишь названными, но не раскрытыми многие составные элементы теории и практики военного дела (вооружение и снаряжение армии, упражнения кавалерийских частей, осадные машины и механизмы и т. д.), высказан ряд идей, несостоятельных с военной точки зрения (совершение марша в открытой местности без организации разведки, даже ночью²³, идея лунообразного построения боевого порядка²⁴). Подобные промахи Онасандра Петерс объясняет его неправильным пониманием своих источников, а в конечном счете отсутствием у него специальной военной подготовки²⁵.

С большинством замечаний западногерманского филолога можно согласиться. Но одно из них, а именно то, которое касается упомянутого Онасандром лунообразного построения боевого порядка, следует признать совершенно необоснованным. Дело прежде всего в том, что идея такого построения, при котором фланги строя выдвинуты вперед (или реже оттянуты назад) по отношению к центру, отнюдь не принадлежит Онасандру — такой боевой строй был известен в практике римлян по крайней мере со времен пунических войн. Так, по свидетельству Фронтинана²⁶, его успешно применил Корнелий Сципион Африканский в период военной кампании в Испании против Газдрубала (ок. 207—206 г. до н. э.). Можно

напомнить также, что десятилетием ранее Ганнибал нанес сокрушительное поражение римлянам при Каннах, применив именно лунообразное построение своих войск²⁷. В позднейших памятниках военной литературы такой строй также упоминается неоднократно; его знают, например, Вегеций²⁸ и Маврикий²⁹.

Рассматривая данный сюжет, Онасандр правильно определил сущность лунообразного построения³⁰, имеющего целью охват и дальнейшее окружение строя противника с помощью выдвинутых вперед флангов. Абсолютно правильны и два теоретически возможных способа, с помощью которых можно противостоять такому построению. Первый из них заключается в нанесении двух сосредоточенных ударов по обоим неприятельским флангам, что может привести к деформации всего боевого порядка, нарушению взаимодействия его частей; после этого рекомендуется нанести удар по центру специально предназначенными для этого резервными подразделениями³¹. Второй способ имеет своей целью прорыв обычно ослабленного при лунообразном построении центра, последующее расчленение вражеского боевого порядка и разгром его по частям³².

Таким образом, анализ указанного пассажа Онасандра приводит к заключению, прямо противоположному тому, к которому пришел Петерс: мы имеем здесь один из немногих случаев, когда Онасандр, взявший на себя смелость углубиться в сферу конкретной тактической технологии (обычно он этого избегает), решил эти вопросы на вполне профессиональном уровне.

Главная задача, которую Онасандр поставил перед собой, сформулирована им во введении: дать наставления, способствующие формированию хорошего военачальника, достойного славных деяний предшествующих поколений римлян³³. Но поскольку, по справедливому замечанию Йенса³⁴, во времена Онасандра стратиг являлся одновременно и военным министром, и главнокомандующим, в его обязанности входило не только боевое применение средств и сил ведения войны, но и — предварительно — их мобилизация, упорядочение и распределение. Поэтому проблем, затрагиваемых в сочинении, оказывается весьма широким.

Трактат Онасандра разделяется на 42 главы; следует заметить, что это деление не является авторским, а осуществлено позднейшими интерпретаторами³⁵. Согласно схеме, предложенной Вари³⁶, материал в трактате Онасандра располагался по следующим разделам:

¹⁶ *Onasander*, p. 351.

¹⁷ *Dain A.* Les manuscrits d'Onésandros.

¹⁸ См. примеч. 10.

¹⁹ *Vari R.* Die sog. «Inedita Tactica Leonis». — *BZ*, 1927, 27, S. 265.

²⁰ *Lammert F.* Die römische Taktik zu Beginn der Kaiserzeit und die Geschichtschreibung. — *Phylologus*, 1931, suppl. XXXIII, H. 2; *Idem.* Phalanx. — *RE*, 1938, 38, col. 1624 ff.

²¹ *Разин Е. А.* История военного искусства. М., 1955, т. 1, с. 465—468.

²² См. примеч. 6.

²³ *Onasander*, VI, 8, p. 398.

²⁴ *Ibid.*, XXI, 5—8, p. 454—456.

²⁵ *Peters W.* *Op. cit.*, S. 246.

²⁶ *Фронтин Секст Юлий.* Стратегемы. — *ВДИ*, 1946, № 1 (далее — *Фронтин*), с. 241—242.

²⁷ *Разин Е. А.* Указ. соч., т. 1, с. 313—317.

²⁸ *Ренат Флавий Вегеций.* Краткое изложение военного дела. — *ВДИ*, 1940, № 1 (далее — *Вегеций*), с. 274.

²⁹ *Mauricii Strategicon*/ Ed. N. Mihăescu. București, 1970 (далее — *Mauricius*), p. 132.

³⁰ *Onasander*, XXI, 5, p. 454.

³¹ *Ibid.*, XXI, 6—7, p. 454—456.

³² *Ibid.*, XXI, 8, p. 456.

³³ *Ibid.*, praef., p. 368—374.

³⁴ *Jähns M.* *Op. cit.*, S. 91.

³⁵ Так, Петерсом обращено внимание на факт употребления в заглавии одного из титулов термина *ἀπλῆτος* (в смысле «лагерь») — этот термин стал употребляться лишь в византийскую эпоху и не был известен во времена Онасандра, см.: *Peters W.* *Op. cit.*, S. 13.

³⁶ Воспроизведена в исследованиях Дэна (*Les stratégistes*, p. 329) и Петерса (*Op. cit.*, S. 22—23).

1. Требования, предъявляемые к стратигу (I—II);
2. Принципы, которыми он должен руководствоваться (III—V);
3. Порядок совершения маршей, лагерное устройство (VI—X, 8);
4. Действия стратига накануне сражения (XXVII—XXXIV);
5. Его действия в день сражения (X, 9; XXV—XXVI; X, 10; XI, 2; XII—XXIV; XI, 1);
6. Его действия после окончания сражения (XXV—XXXVIII);
7. Об осаде городов (XXXIX—XLII).

В литературе XIX в. преобладала негативная оценка навыков систематизации материала и композиционных писательских приемов Онасандра. Многие исследователи приходили к выводу об отсутствии у Онасандра какой-либо последовательной системы³⁷. В современной историографии высказана мысль о том, что сочинение Онасандра строится по четкой, последовательной, логически обоснованной схеме — иное дело, что эта схема существенно отличается от планов его предшественников. Последние занимались систематизацией военно-научных знаний по отдельным видам и отраслям, решая проблемы их внутренней субординации и координации. Онасандр же взял в качестве исходных посылок определенные военные принципы, нормы и правила и занялся изучением динамики их внутреннего развития, анализом их взаимоперехода друг в друга, установлением между ними ассоциативных связей.

При внимательном ознакомлении с трактатом становится ясно, что порядок изложения материала в нем имеет глубокую внутреннюю логику. Стержневая идея, пронизывающая трактат от начала до конца, — это динамика отправления главнокомандующим своих должностных функций с момента назначения его на пост вплоть до окончания военной кампании, и вся военно-научная информация, которой располагает автор, группируется, систематизируется и излагается им в соответствии с этой основополагающей диспозицией.

В свете вышеизложенного мы считаем обоснованной позицию Петерса, отметившего в трактате Онасандра шесть основных, последовательно раскрываемых тем, соотношенных с ситуацией деятельности полководца на различных этапах военной кампании:

1. Стратиг и его подчиненные (I—III);
2. Начало войны (IV—V);
3. Марш (VI—VII);
4. Лагерь (VIII—XIV);
5. Сражение (XV—XXXVII);
6. Полиоркетика (XXXVIII—XLII)³⁸.

Оригинальность авторской композиции выделяет «Стратегикос» среди других памятников подобного рода — предыдущих и последующих. Складывается впечатление, что в ряде случаев Онасандр сознательно жертвует полнотой и ясностью изложения военно-теоретической информации ради художественной формы своего труда. Не случайно в этой связи то повышенное внимание, которое уделялось трактату Онасандра лингвистами и литературоведами. Установлено, что стиль Онасандра испытал на себе влияние лучших представителей историко-литературного жанра, в первую очередь Фукидида³⁹, Ксенофонта⁴⁰, Полибия⁴¹.

Не будучи профессионалом, специалистом в области военного дела (о чем в трактате сказано со всей определенностью⁴²), Онасандр нуждался в источниках, откуда он мог черпать фактический материал из области военной теории и практики. К настоящему времени круг основных источников «Стратегикоса» очерчен с достаточной ясностью. Прежде всего это труды Ксенофонта и Полибия⁴³ — именно эти два автора определяют теоретическую основу и методологические принципы анализируемого сочинения. С определенной долей гипотетичности можно говорить о влиянии Энея, жившего в IV в. до н. э. и написавшего ряд военно-теоретических сочинений, из которых до наших дней сохранился трактат, посвященный проблемам полиоркетики. О прямых заимствованиях Онасандром сведе-

ний Энея говорить трудно — «здесь приходится исходить больше из общих соображений, а не из текстуальных совпадений»⁴⁴.

Но, вероятно, основную массу сведений Онасандр заимствовал не из греческой, а из римской военно-исторической литературы. По словам самого Онасандра⁴⁵, в основе его военного сочинения лежит боевой опыт римлян, а главная цель заключается в возвеличении славных деяний римских полководцев. Среди римских авторов, из произведений которых Онасандр мог черпать фактический материал, должны быть названы Тит Ливий, его современник Дионисий Галикарнасский, автор «Римских древностей», Саллюстий, описавший события Югуртинской войны, «Комментарии» Юлия Цезаря⁴⁶.

Выдающийся вклад Онасандра в развитие военной науки заключается в обосновании им теоретических, философских проблем этой науки. Еще со времен Ксенофонта в военной теории существовало определенное различие между стратегией и тактикой как двумя главными составными частями военного искусства. Понятие тактики включало в себя способы вооружения, размещения и упорядочения солдат в строю, а также обучения их индивидуальным и групповым военным приемам. Стратегия понималась как высшее полководческое искусство, охватывающее подготовку вооруженных сил к войне, планирование, подготовку и непосредственное проведение военной кампании, использование ее результатов и последствий. Если в трудах предшественников Онасандра (Эней, Асклепиодот), его младших современников (Фронтин, Элиан) и большинства последователей (вплоть до Вегеция) преобладает тактико-техническая материя, почти никак не связанная с проблемами стратегии, то именно последняя превалирует в «Стратегикосе», причем тема полководческого искусства (разумеется, в античном его понимании) оказалась раскрытой Онасандром всесторонне и исчерпывающим образом.

В связи с изложенным можно говорить о двух аспектах воздействия «Стратегикоса» на последующую военную литературу. С одной стороны, это воздействие воплощалось в конкретных заимствованиях позднейшими военными писателями фактического материала, систематизированного Онасандром. Примером здесь может служить живший в I в. н. э. Фронтин, автор «Стратегем» — сборника тематизированных примеров из области военной истории, рисующих деяния великих полководцев. Несомненно аналогичное влияние Онасандра и на Вегеция (возможно, именно через посредство Фронтин)⁴⁷. С другой стороны, очень сильным оказалось общее влияние теоретических, доктринальных принципов и концепций Она-

³⁷ См., например: *Jähns M.* Op. cit., S. 91—92.

³⁸ *Peters W.* Op. cit., S. 17.

³⁹ На это обратил внимание В. Олдфатер (*Onasander*, p. 351); влияние Фукидида на Онасандра детально обосновано Петерсом (Op. cit., S. 25—71).

⁴⁰ Это мнение утвердилось в литературе со времен издания М. Швобеля (см. примеч. 10).

⁴¹ Следы его влияния были впервые обнаружены Кэхли и Рюстовом.

⁴² *Onasander*, p. 368, 372—374.

⁴³ В. Петерсом обращено внимание на некоторые пассажи «Стратегикоса», в которых влияние двух указанных авторов ощущается наиболее сильно. Так, в гл. X Онасандр рекомендует полководцу проводить учебные сражения, вооружив часть своих солдат палками, а другую — комьями земли и направив их друг против друга. Такой способ воинских упражнений, по сообщению Ксенофонта (Киропедия, II, 3), применял в свое время Кир, см.: *Peters W.* Op. cit., S. 84, 248—249.

⁴⁴ См.: *Беляев В. Ф.* Эней Тактик — первый военный теоретик античности. — ВДИ, 1965, № 1, с. 256.

⁴⁵ *Onasander*, p. 368—370, 372.

⁴⁶ *Peters W.* Op. cit., S. 86.

⁴⁷ Тезис о взаимосвязанности сочинений Онасандра и Фронтин, а также о влиянии этих двух авторов на Вегеция был выдвинут и обоснован Д. Шенком (см.: *Schenk D.* *Flavius Vegetius Renatus. Die Quellen der Epitoma Rei Militaris.* — *Klio*, 1930, 22). Сопоставление трактата Онасандра с военными сочинениями античной эпохи (предыдущими и последующими) представляет значительный интерес. Но поскольку такой анализ выходит за рамки византиноведческой тематики, мы намерены осуществить его в специальной работе.

сандра — его испытала вся без исключения позднейшая военная литература. В глазах последующих адептов слабости «Стратегикоса» с точки зрения военной технологии компенсировались наличием в нем впервые систематизированных комплексов морально-этического свойства. Общеизвестность онасандровских принципов открывала возможность их активного заимствования, а компактная, максимально удобная для восприятия форма подачи материала сводила на нет трудности такого заимствования. Отсюда становится понятным факт распространения труда Онасандра в большом количестве рукописных копий, переложений и извлечений, а также заинтересованное, не лишённое прагматической подоплёки внимание к нему со стороны теоретиков и практиков военного дела во времена античности, средневековья и даже нового времени.

* * *

Оба аспекта воздействия трактата Онасандра могут быть прослежены в тексте «Стратегикона Маврикия» — самого выдающегося памятника византийской военной науки, определившего перспективы ее развития на протяжении многих столетий. Общая характеристика «Стратегикона» уже давалась нами в предыдущих работах⁴⁸. Здесь мы намерены высказать ряд соображений по вопросам, которых мы не касались ранее.

Установившееся к настоящему времени в литературе наименование трактата («Стратегикон Маврикия») является компромиссным и условным в обоих своих составных элементах, ибо состояние рукописной традиции таково, что в ней отсутствует унификация как в названии сочинения, так и в имени его автора. Наиболее ранняя, Флорентийская, рукопись, датируемая X в., имеет заглавие: Οὐρβικίου τακτικά στρατηγικά. В Миланской рукописи (XI в.) читаем: Μαυρικίου τακτικά τοῦ ἐπὶ τοῦ βασιλέως Μαυρικίου γερουβότος. Наконец, в трех остальных рукописях (Неаполитанской, Парижской и Ватиканской) трактат назван: Μαυρικίου στρατηγικόν⁴⁹.

Как видим, самая древняя рукопись содержит двойное, обобщающее наименование (τακτικά — στρατηγικά); в более поздних списках название трактата как бы усекается, будучи разделенным надвое, причем Миланский кодекс ограничивается лишь первой частью (τακτικά), а три остальные предпочитают вторую (στρατηγικόν).

Какое же из перечисленных наименований точнее отражает содержание трактата?

Как будет показано ниже, трактат содержит разделы, посвященные характеристике как тактических, так и стратегических принципов в их понимании, традиционном для греко-римской военно-теоретической литературы. Автор трактата избегает общетеоретических определений тактики и стратегии, хотя он, несомненно, видит различия между ними. В начале книги II он перечисляет те элементы, которые, по его мнению, должны относиться к стратегии: это прежде всего выбор времени и места для совершения нападений на противника, а также сама организация этих нападений с применением разнообразных военных хитростей⁵⁰. Как видим, понимание автором стратегии как высшего полководческого искусства в принципе не отличается от традиционных формулировок, содержащихся в других, более ранних и более поздних, трактатах. Напротив, лишённые налета книжности и учености, его рассуждения даже более точно выражают суть явления.

Что же касается тактики, то дефиниции этого понятия в изучаемом трактате вообще не содержится. Однако, если судить по содержанию трактата в целом, автор также разделяет традиционное понимание тактики как способа размещения и упорядочения солдат и их обучения индивидуальным и групповым военным приемам.

Таким образом, двойное наименование трактата во Флорентийской рукописи (τακτικά — στρατηγικά) с наибольшей полнотой и точностью отражает его содержание, поскольку трактат содержит сведения об этих обеих частях военного искусства. Однако такое соединение двух разноплановых

терминов в одном названии является чисто механическим — оно не имело смысла даже в глазах древних⁵¹. Вполне справедливо замечание А. Дэна, что трактат, не являясь ни чисто стратегическим, ни полностью тактическим руководством, «говоря в военном смысле, пребывает посередине», вследствие чего становится еще более ценным, поскольку количество сообщаемых им сведений по крайней мере удваивается⁵².

Что же касается традиционного наименования трактата («Стратегикон»), то с формальной точки зрения оно не имеет больших прав на существование, чем наименование «Тактика»⁵³. Но его приоритет зиждется на силе традиции, заложенной изданием И. Шеффера, свыше 300 лет оставшегося единственным. В последние годы эта традиция была подтверждена изданием, осуществленным Х. Михаэску⁵⁴, и мы полагаем, что нет оснований пересматривать это утвердившееся наименование^{54а}.

Если вопрос о техническом наименовании трактата можно считать не имеющим существенного значения (большинство из известных к настоящему времени памятников военной литературы имеют условные, неавторские наименования), то проблема авторства «Стратегикона» имеет принципиальную важность как для датировки трактата, так и для решения других первостепенной значимости вопросов.

Средневековая историографическая традиция безоговорочно сходилась на признании автором «Стратегикона» византийского императора Маврикия (582—602). Колебания в этом вопросе возникли после выхода в свет первого научного издания трактата, осуществленного И. Шеффером⁵⁵. Отведя имя Урбикия, Шеффер атрибуировал «Стратегикон» Маврикию, но не византийскому императору, правившему на рубеже VI и VII столетий, а его неизвестному омониму. В течение следующих двух столетий проблематика трактата занимала исследователей сравнительно мало. Ряд ученых, вопреки Шефферу, продолжали видеть автора «Стратегикона» в императоре Маврикии (Г. Кэхли, Ф. Гаазе). Однако концепция Шеффера превалировала в историографии. Наиболее последовательно ее защищал Р. Ферстер⁵⁶, одновременно убедительно доказавший, что трактат был написан именно в эпоху царствования Маврикия⁵⁷.

В историографии XX в. авторство императора Маврикия решительно защищал Ф. Оссарес: полемизируя с Р. Вари, он демонстративно внес эту атрибуцию даже в заглавие своего главного исследования⁵⁸. Дополнительный аргумент в пользу такой атрибуции дал Оссаресу анализ религиозных воззрений автора «Стратегикона»⁵⁹. Как свидетельствуют современ-

⁴⁸ См., например: *Кучма В. В.* Византийские военные трактаты VI—X вв. как исторический источник. — ВВ, 1979, 40.

⁴⁹ Об этих рукописях см.: *Dain A.* Les stratégistes, p. 382—385; *Mihăescu H.* Prolegomènes à une édition critique des TACTICA — STRATEGICA de Maurice — Urbicius. — RESEE, 1967, V, p. 411—417.

⁵⁰ *Mauricius*, p. 74.

⁵¹ *Dain A.* Urbicius ou Mauricius? — REB, 1968, 26, p. 129.

⁵² *Ibid.*

⁵³ Ср. соображения, высказанные К. Э. Цахариз фон Лингенталем: *Zachariae von Lingenthal K. E.* Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts. — BZ, 1894, 3, S. 441—442.

⁵⁴ В «Prolegomènes» к своему изданию Михаэску пришел к выводу, что двойное наименование трактата во Флорентийской рукописи является более обоснованным, чем усеченные названия других рукописей (*Prolegomènes*, p. 408). Однако в издании трактата, вышедшем в свет три года спустя, было сохранено традиционное наименование «Стратегикон». При этом Михаэску не пояснил, почему он отказался от заглавия основополагающей (Флорентийской) рукописи; см. рецензию: *Dostálová R.* — *Zástěrová B.* — BS, 1971, 32, p. 319—320.

^{54а} Статья уже находилась в печати, когда вышло в свет издание: *Das Strategicon des Mauricius*/Ed. G. T. Dennis, E. Gamillscheg. Wien, 1981.

⁵⁵ *Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim*/ Ed. J. Scheffer. Upsaliae, 1664.

⁵⁶ *Förster R.* Studien zu den griechischen Taktikern. — *Hermes*, 1877, 12, S. 426—471.

⁵⁷ *Ibid.*, S. 458.

⁵⁸ *Aussares F.* L'armée byzantine à la fin du VIe siècle après le Stratégicon de l'empereur Maurice. Bordeaux, 1909.

⁵⁹ *Aussares F.* L'auteur du Stratégicon. — REA, 1906, VIII, p. 39.

ные источники (например, Иоанн Никиусский), в начале своего царствования император Маврикий повелел вписывать в заглавия всех государственных актов имя Иисуса Христа, «нашего бога и нашего спасителя». Именно эту формулу (Ὁ θεὸς καὶ Σωτὴρ ἡμῶν) мы встречаем в первой же фразе «Стратегикона».

Напротив, Ю. Кулаковский подчеркивал, что в трактате не имеется указаний на принадлежность автора к императорской фамилии; с другой стороны, неизвестны сведения о писательской деятельности императора Маврикия. Против авторства этого императора говорят весьма грубый язык трактата, стилистические особенности текста (постоянные повторения, отступления, вставки, отрывочность, нарушения логики). Автор вряд ли был достаточно образованным человеком. Вероятнее всего, это профессиональный военный, опытный командир. Но это нисколько не снижает, а, напротив, повышает интерес в его произведению, поскольку военная действительность отражена в трактате непосредственнее, проще и ближе к ее реальному состоянию⁶⁰.

Вопроса об авторстве трактата так или иначе касались и позднейшие исследователи, хотя решали его с различной степенью определенности. В. Энслин⁶¹ фактически уклонился от идентификации автора «Стратегикона»⁶². Г. Циллиакус считал предположение об авторстве императора Маврикия «довольно ненадежным»; впрочем, он не считал эту проблему принципиально важной и отводил ей «относительно подчиненное значение»⁶³. Н. В. Пигулевская поддерживала ту точку зрения, которая не связывает «Стратегикон» с именем императора Маврикия⁶⁴. Наоборот болгарская исследовательница Г. Цанкова-Петкова обратила внимание на ряд замечаний автора об общем состоянии военного дела, смысл которых может быть уяснен только при предположении, что они высказаны человеком, обладавшим не только высшей властью в империи, но и компетентным в вопросах внешней политики, недоступных пониманию простого военачальника⁶⁵.

Колебания в решении указанной проблемы испытывал А. Дэн. В последней статье, опубликованной уже посмертно, Дэн выдвинул мысль, что автором трактата следует признать Маврикия; причем «кажется вероятным», что это был именно император Маврикий, который либо сам написал «Стратегикон», либо являлся инициатором и осуществлял общее руководство его написанием⁶⁶. Х. Михаэску, которому принадлежит упомянутое критическое издание «Стратегикона», фактически обошел вопрос о тождестве автора трактата и императора Маврикия, хотя по общему тону аргументации можно судить о том, что румынский исследователь воздерживается от их идентификации⁶⁷. В работах З. В. Удалцовой, подводящих итог современному состоянию исследований по проблемам «Стратегикона», авторство императора Маврикия не исключается⁶⁸.

В каких же основных чертах рисуется перед нами личность автора «Стратегикона»? Помимо глубокой религиозности (свою безусловную ортодоксальность он подчеркивает уже во введении к трактату и неоднократно демонстрирует ее на протяжении всего дальнейшего повествования⁶⁹), не оставляет сомнений его профессионализм в области военного дела. По знакомству с военной литературой и умению адаптировать сведения «древних» с учетом современных требований можно судить о его теоретической подготовке; он обладает и значительным опытом участия в войнах — по крайней мере против персов, аваров и славян. При этом создается впечатление, что автор «Стратегикона» занимает гораздо более значительное место в военной иерархии, чем авторы всех известных нам более ранних военных сочинений. Общий тон повествования нашего автора практически ничем не отличается от фразеологии и стилистики венценосного автора «Тактики Льва». Характерно отсутствие в «Стратегиконе» обращений к царствующему императору — этой традиционной черты подавляющего большинства военных трактатов. То обстоятельство, что, кроме Иисуса Христа, наш автор не нашел другого адресата, достойного обращения, приводит к весьма определенным выводам. Очень многозначительной представляется фраза,

на которую уже не раз обращалось внимание исследователями: автор отчетливо сознает, что упреки в плохой подготовке воинов и неопытности командиров могут быть обращены непосредственно к нему⁷⁰, — именно стремление избежать этих обвинений является одной из побудительных причин, которая заставила его взяться за перо.

Однако основной причиной, подвигнувшей автора на это предприятие, явилась «одна лишь забота о государстве»⁷¹ — тезис, который звучал бы слишком высокопарно в устах простого смертного, но который вполне естествен для того, на которого божественное провидение возложило заботу о благе государства и его подданных.

Если исследователи, положительно решавшие вопрос об императорской принадлежности автора «Стратегикона», приводили в доказательство множество самых разнообразных аргументов, как почерпнутых в самом трактате, так и обнаруженных за его пределами, то противники такой атрибуции лишь повторяли аргументацию Шеффера, не дополняя ее никакими другими доказательствами. Суть позиции Шеффера заключается в следующем. Он обратил внимание на то, что в одном месте Маврикий говорит о намерении сочетать в своем труде заимствования из древних авторов и результаты собственного опыта⁷², а несколько ниже добавляет: «Если же какой-либо стратег вследствие своего опыта и раядения напишет нечто лучшее, то будет за это благодарение богу, подателю всех благ, нашему же усердию — снисхождению»⁷³. Сопоставив эти два свидетельства, Шеффер пришел к заключению: «Мало соответствует величию императора то, что наш писатель в предисловии открыто заявляет, что он охотно подчиняется большей опытности любого полководца»⁷⁴.

На наш взгляд, в этом выводе Шеффера содержится ряд ошибочных положений, искажающих истинную позицию автора «Стратегикона». Ссылка на «древних» как на один из источников трактата (первостепенный по сравнению с собственным опытом) вполне естественна в устах любого военного автора, в том числе и венценосного: как известно, Лев VI не считал унижающим величие императора упоминания не только «древних», но и «новых» авторов⁷⁵. Наоборот, ссылка на предшественников повышала авторитет военного писателя и в глазах читателей, и в самосознании автора. К тому же имеется один нюанс, который свидетельствует, что автор «Стра-

⁶⁰ Кулаковский Ю. Рец. на рус. пер. «Стратегикона». — ЖМНП, 1903, декабрь, ч. 350, с. 530. Мы не будем сейчас подробно останавливаться на оценке Кулаковским писательского метода автора «Стратегикона», отметим лишь, что мы эту оценку решительно не разделяем (см., например: ВВ, 1979, 40, с. 52—53).

⁶¹ RE, 14, part 2, col. 2393—2394.

⁶² Попутно отметим, что Энслин допустил явную ошибку, когда отметил, что Шеффер «предполагал автором («Стратегикона». — В. К.) императора Маврикия» (*Enslin W. Op. cit.*, col. 2393). Как было показано выше, позиция Шеффера по этому вопросу была совершенно иной. Так как «Реальная энциклопедия» не устранила эту ошибку Энслина, то многие позднейшие исследователи, не имевшие в своем распоряжении издания Шеффера и полагаясь на авторитет «Реальной энциклопедии», излагали позицию Шеффера в ошибочной трактовке Энслина.

⁶³ Ziliacus H. Zum Kampf der Weltsprachen in oströmischen Reich. Helsinki, 1935, S. 120.

⁶⁴ Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946, с. 28—30.

⁶⁵ Цанкова-Петкова Г. Материалната култура и военного изкуство на дакийските славяни според сведенията на «Псевдо-Маврикий». — Известия на Института за българска история, 1957, 7, с. 329—344.

⁶⁶ Dain A. Urbicius ou Mauricius, p. 136.

⁶⁷ Mihăescu H. Prolégomènes, p. 404—409.

⁶⁸ Удальцова З. В. Еще раз о Стратегиконе Псевдо-Маврикия. — СВ, 1969, 32, с. 61—76; Она же. Идеино-политическая борьба в ранней Византии: (По данным историков IV—VII вв.). М., 1974, с. 295—318.

⁶⁹ Отмечено З. В. Удальцовой (Идеино-политическая борьба. . . , с. 316).

⁷⁰ *Mauricius*, p. 42.

⁷¹ *Ibid.*

⁷² *Ibid.*

⁷³ *Ibid.*, p. 44.

⁷⁴ *Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim*, p. 384.

⁷⁵ См. об этом нашу статью: ВВ, 1972, 33, с. 77—78.

тегикона» отнюдь не капитулирует перед авторитетом «древних», — он заранее оговаривается, что будет писать и яснее, и короче, чем это делали его предшественники; он намерен также добавлять многое из того, что «древние» обходили молчанием⁷⁶. В этом — целая программа переработки автором информации «древних», и на протяжении дальнейшего повествования эта программа успешно реализуется.

Далее, из общего смысла авторского заявления вовсе не следует, что «он охотно подчиняется большей опытности любого полководца». Во-первых, речь идет не о «любом полководце», а именно о стратегии, т. е. главнокомандующем, а этот пост, как известно, был атрибутом императорской власти. Следовательно, в данном случае Маврикий ведет речь, по крайней мере, о равном себе по положению военачальнике, и предположение о том, что этот последний может обладать большим опытом, несколько не умаляет «императорское величие». К тому же это замечание обращено в будущее — автор вовсе не сравнивает себя с современными военачальниками; здесь ему не с кем себя сравнивать — он прямо говорит, что его книга должна быть руководством для военачальников *всех рангов*⁷⁷. Такая императивность рассчитана на то, чтобы поставить себя выше всех остальных современников, проходящих по военному ведомству. И наконец, в качестве арбитра ценности своего труда автором назван «бог, податель всех благ»; именно к нему обращена столь шокировавшая Шеффера просьба о снисхождении, но в устах благочестивого христианина, каким представляет себя наш автор, это опять-таки отнюдь не наносит ущерба его «императорскому величию».

Таким образом, тезис Шеффера, по нашему мнению, не соответствует смыслу высказываний автора «Стратегикона». Тем не менее, он оказал существенное влияние на историографию. Развивая его, некоторые ученые стали писать об отсутствии достаточного военного опыта у автора «Стратегикона» или даже вообще ставить этот опыт под сомнение. Так, Цахариэ фон Лингенталь пришел к выводу о плохом знакомстве автора с военными обычаями славян⁷⁸; вывод этот был некритически воспринят Энслиным⁷⁹. В одной из своих работ мы специально остановились на пассаже о славянах, чтобы обосновать противоположный вывод⁸⁰.

Как известно, Шеффер, встретив в рукописях разночтения имени автора «Стратегикона» (Маврикий и Урбикий), решительно склонился к первому из них. Он резонно заметил, что если бы автором трактата был Урбикий, не было бы нужды именовать «Изысканием Урбикия» одно из небольших приложений, которое в некоторых рукописях следует за основным текстом «Стратегикона». В самом деле, Урбикия определенно называет автором трактата лишь одна Флорентийская рукопись, которая *не содержит* в качестве приложения «Изыскания Урбикия». По каким-то причинам составитель рукописи перенес на весь трактат имя автора лишь одного из приложений к этому трактату, а само это приложение так и не включил в трактат. Столь же определенно именем Маврикия называют «Стратегикон» Неаполитанская, Парижская и Ватиканская рукописи, которые помещают в составе его XII главы фрагмент «Изыскания Урбикия». Приписывая Урбикию лишь этот небольшой фрагмент, составитель протографа этих трех списков тем самым совершенно ясно показал, что автором основной части текста (т. е. собственно «Стратегикона») является именно Маврикий.

Рассуждения Шеффера по данному вопросу логически безупречны. И если бы не его ошибочный тезис (фактически единственный!) относительно ущемленного «императорского величия», он должен был бы сделать второй шаг, увязав имя Маврикия с именем византийского императора, правившего на рубеже VI и VII столетий. Позднейшими исследованиями было убедительно доказано, что историческая обстановка, отраженная в трактате, соответствует именно этому периоду. И лишь авторитет Шеффера удерживал многих ученых от признания автором «Стратегикона» византийского императора Маврикия, который проложил себе путь к престолу славными победами на полях сражений и трагически погиб в результате восстания армии и народа⁸¹.

Говоря о принадлежности «Стратегикона» императору Маврикию, вовсе не обязательно понимать это буквально, т. е. предполагать, что он написал это сочинение собственноручно. Если допустить, что он явился инициатором создания трактата, принял участие в его редактировании, санкционировал его в качестве официального военного руководства, этого будет вполне достаточно, чтобы связать «Стратегикон» с именем императора Маврикия. Известно, что принято называть эдикты, указы и другие государственные акты именем того или иного императора и по гораздо меньшим основаниям — всего лишь в силу принадлежности этого акта времени царствования данного императора. Даже если подойти к проблеме с таких позиций, для атрибуции «Стратегикона» императору Маврикию имеются все основания — и формальные⁸², и фактические.

Помимо проблемы авторства, не до конца решен в историографии вопрос о внутренней структуре трактата, отличающейся многоплановостью и сложностью. Трактат состоит из 12 книг, предваряемых обширным введением. Порядок изложения материала по книгам таков:

1. Общие принципы организации армии (набор воинов, их обучение, размещение по подразделениям, сведения о преступлениях и наказаниях военнослужащих);
2. Организация конницы;
3. Способы размещения и боевые порядки;
4. Военные хитрости (преимущественно засады);
5. Обоз;
6. Военные упражнения;
7. Требования, предъявляемые к полководцу; подготовка и проведение боя, различные случаи исхода сражения;
8. Общие принципы военной науки;
9. Организация нападений, порядок совершения маршей, разведывательная служба;
10. Осада и оборона городов;
11. Военные обычаи других народов;
12. Боевые порядки (преимущественно пехотные).

Как видим, целью автора было создание универсального руководства, охватывающего все сферы военной теории и практики. Эту цель можно считать выполненной (остались без рассмотрения лишь проблемы военно-морского дела). Общая структура сочинения представляется удачной, хотя имеются и негативные черты (повторения, нарушения логики изложения и т. д.).

Разумеется, трактат не является совершенно независимым от предшествующей письменной традиции — таких произведений вообще не встречается в византийской военной науке. Маврикий проявляет знакомство с военно-теоретическими трудами своих предшественников — Асклепиодота, Элиана, Арриана, но особенно Онасандра и Вегеция⁸³, хотя ни разу не называет их по имени. Знаком он и с событиями военной истории: в трактате встречаются имена двух римских императоров — Траяна⁸⁴ и Деция⁸⁵ — и персидского царя Пероза⁸⁶; из полководцев древности названы

⁷⁶ *Mauricius*, p. 42—44.

⁷⁷ *Ibid.*,

⁷⁸ *Zachariae von Lingenthal K. E.* Op. cit., S. 440.

⁷⁹ *Ensslin W.* Op. cit., col. 2393.

⁸⁰ См.: Кучма В. В. Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов. — В кн.: Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1978, с. 4—15.

⁸¹ См. об этом нашу статью: К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки (602—610). — ВО, 1977, с. 182—194.

⁸² Напомним, что одна из рукописей (Миланская), отразившая особенно неясную атрибуцию, все-таки прямо подчеркивает, что трактат составлен при императоре Маврикии.

⁸³ Отмечено Д. Моравчиком, см.: *Moravcsik Gy.* *Byzantinoturcica*. В., 1958, I, S. 418.

⁸⁴ *Mauricius*, p. 226.

⁸⁵ *Ibid.*, p. 142.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 140.

Ганнибал (дважды)⁸⁷, Сципион Африканский⁸⁸ и Люций, полководец Траяна⁸⁹.

Отдельные части «Стратегикона», опирающиеся на различные источники, сплавлены между собой недостаточно органично. Открывается возможность обнаружить несколько таких соединений.

Основная часть, относительно единая, посвящена описанию тактики кавалерийских подразделений. Чувствуется, однако, что и здесь Маврикий располагал несколькими (с его точки зрения, равноценными) источниками, отчего текст не оставляет впечатления строгого внутреннего единства, свойственного, например, построениям Вегеция. Каковы были главные источники Маврикия, сказать невозможно, и прежде всего потому, что они, несомненно, сами были компиляциями из более ранних сочинений.

В книге I встречаем главы VI—VIII, посвященные воинским наказаниям. Это след влияния другого источника — военно-дисциплинарного кодекса, обычно связываемого с именем Руфа. Именно это обстоятельство привело Цахариз фон Лингенталю к необоснованному выводу, что Руф являлся автором всего «Стратегикона»⁹⁰. Статьи военно-дисциплинарного кодекса, содержащегося в «Стратегиконе», впоследствии составили одно из приложений к Эклоге (так называемый Воинский закон), а еще позже, в несколько переработанном с учетом изменившейся обстановки виде, были включены Львом VI в его «Тактику»⁹¹.

Книга VII, включающая советы общего порядка о способах организации сражений и использовании их результатов, имеет двойную нумерацию глав. Вначале идет комплекс из 16 глав, затрагивающий практически все основные стороны проблемы. Затем следует авторское замечание: «Другие главы той же 7-й книги», открывающее еще целый комплекс из 17 глав, где детально (эта часть книги по объему в два раза больше первой части) раскрываются заново те же самые вопросы. Очевидно, при написании данного раздела Маврикий располагал двумя источниками. Не решившись отдать предпочтение ни одному из них, автор избрал самый простой путь, переложив их содержание в двух частях одной и той же книги, последовательно друг за другом. Характерно, что даже итоги этой книги, подведены не в одной, а в двух главах⁹². Вероятно, каждая из этих глав завершала те сочинения, которые служили источниками для Маврикия. И раз уж он в основной части VII книги встал на путь последовательной компиляции обоих источников, ему не оставалось ничего иного, как завершить свою книгу двумя итоговыми главами.

Компилятивный характер отличает и книгу VIII — это отражается уже в ее построении. Книга состоит всего из двух глав. В первой главе идет речь о некоторых общих правилах, которыми должен руководствоваться стратиг при исполнении своих функций главнокомандующего. Вторая глава, носящая наименование «Γνωμικά», по общему смыслу в принципе не отличается от первой. Представляется, что, как и в книге VII, здесь механически соединены две части, скомпилированные из двух разных источников. А в каждом из этих источников в свою очередь отчетливо проясляется влияние двух трактатов: Онасандра и Вегеция. Причем если в 1-й главе это влияние более опосредованно (чаще всего передается лишь смысл соответствующей сентенция), то во 2-й главе почти полностью воспроизведены все максимы Вегеция, суммированные им в 26-й главе III книги. Да и сам замысел главы «Γνωμικά», вероятно, возник у Маврикия как аналогия вегециевых «Regulae bellorum generales». Однако на вопрос, пользовался ли Маврикий непосредственно трактатом Вегеция, следует, видимо, дать отрицательный ответ: в большинстве случаев воспроизведение текста Вегеция не является буквальным, хотя и довольно близко к оригиналу. Кроме того, если допустить, что такое непосредственное использование имело место, логично было бы ожидать, что порядок изложения этого материала у Маврикия должен в принципе соответствовать порядку Вегеция. Однако этого соответствия мы не наблюдаем. Причем инверсия у Маврикия не улучшает, а ухудшает структуру текста Вегеция — у последнего изложение следовало порядку деятельности главнокомандующего накануне,

в ходе и после окончания сражения. К тому же материал Вегеция без всякой системы перемежается в «Стратегиконе» с отрывками из трактата Онасандра. Что касается последнего, то предположение о его непосредственном использовании Мавриkiem уже совершенно недопустимо: Маврикий передает лишь смысл онасандровых рекомендаций.

Еще один пласт в «Стратегиконе» составляет книга XII, в которой в свою очередь обнаруживаются три составные части. Первая из них, занимающая в издании Х. Михаэску гл. I—VIII, описывает устройство и тактику пехотных подразделений. Она резко выделяется на фоне предыдущих описаний, где речь почти исключительно шла о кавалерии, и характером информации, и способом ее передачи. В предыдущем изложении сам Маврикий неоднократно подчеркивал, что его главный интерес — кавалерия, что основная цель его сочинения — «изложить все то, что касается кавалерии — ее построений и управления ею»⁹³. Действительно, в тексте «Стратегикона» книга о пехоте занимает место подчеркнуто второстепенное, «удивительно скромное», по выражению Михаэску⁹⁴, — и по месту расположения (в конце трактата), и по общему звучанию.

Источники, использованные Мавриkiem в данном случае, питаются идеями Асклепидота, Элиана, Арриана; сообщается материал гораздо более архаичный, чем в предыдущих книгах. Однако обнаруживаются многочисленные и разнообразные следы авторской обработки этого материала. В своеобразном предисловии к книге XII Маврикий обращается непосредственно к пехотным командирам. Его задача — свести воедино и изложить вкратце сведения не только об упражнениях, но и о вооружении, снаряжении, формах построения пехотных подразделений⁹⁵. Что же касается присяги пехотинцев, то, когда изложение доводится до этого момента, Маврикий не идет на повторение, а отсылает читателя к началу своего трактата: следует поступить так, «как это сказано нами в описании кавалерийских подразделений»⁹⁶.

Маврикий знакомы цифровые нормы древних фаланг (в частности, знаменитая норма Асклепидота — 16 384 воина в фаланге⁹⁷). Но ему также известно из практики, что «теперь войско имеет меньшую численность и не является однородным»⁹⁸; поэтому численность тагмы может быть различной, равно как и количество тагм в войске. Явную авторскую вставку (целую небольшую главу) обнаруживаем в разделе XII, 8, 13, 1—3: прервав изложение материала о пехоте, автор дает рекомендации по построению смешанного войска — пехотного и кавалерийского, а затем вновь продолжает рассказ, говоря об упражнениях пехотных подразделений. Следы авторской самостоятельности проявляются и в пожелании, чтобы мандаторы (глашатаи, герольды) могли говорить «по-ромейски, по-персидски, а если можно, то и по-гречески»⁹⁹. Это пожелание явно отражало две особенности эпохи Маврикия: с одной стороны, процесс перехода армии от латинского языка к греческому, с другой — оценку персидской опасности как главной для империи; разумеется, такая рекомендация не могла быть заимствована из трактатов Асклепидота, Элиана и Арриана. Примеры авторской переработки своих источников в XII книге могут быть умножены.

⁸⁷ Ibid., p. 218.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Ibid., p. 226.

⁹⁰ *Zachariae von Lingenthal* K. E. Op. cit., S. 456.

⁹¹ Сравнительный анализ этих материалов производился нами ранее; см.: ВВ, 1971, 32, с. 276—284.

⁹² *Mauricius*, p. 188—194.

⁹³ Ibid., p. 262.

⁹⁴ *Mihăescu* H. Prolégomènes, p. 404.

⁹⁵ *Mauricius*, p. 312.

⁹⁶ Ibid., p. 322.

⁹⁷ Ibid., p. 318.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Ibid.

Вторая часть XII книги в издании Михаэску представлена главой IX, имеющий подзаголовок «Ὁρβικίου ἐπιτήδευμα». Содержание этой главы сводится к описанию особого барьера, защищающего пехотное подразделение от атаки конного противника. Описание заканчивается обращением к императору Анастасию с просьбой отдать приказ об испытании этого приспособления на практике¹⁰⁰.

Нам представляется, что этот отрывок является настолько инородным в составе «Стратегикона», что его не следует включать в издания трактата. Отрывок недвусмысленно привязывается ко времени Анастасия: характер обращения не вызывает сомнения в том, что адресатом является *царствующий* император. Поскольку в заглавии содержится указание на конкретное имя, в предшествующей литературе высказано мнение о принадлежности данного сочинения подлинному историческому персонажу — полководцу и военачальнику Урбикию, который был современником Анастасия. Однако, по нашему мнению, такая идентификация лишена оснований. Автор этого сочинения усиленно подчеркивает свой малый опыт в военном деле; к тому же из описания становится ясным, что рекомендуемое приспособление придумано автором чисто умозрительно, оно еще не прошло проверку на практике. Если бы это был тот самый Урбикий, он нашел бы возможность практически испытать свой замысел и не стал бы адресовать императору такое, в сущности, весьма примитивное «изобретение». Подобная позиция гораздо более допустима в отношении кабинетного «мыслителя», который с восторженностью неопита приобщается в собственных глазах к сословию великих инженеров и ставит себя чуть ли не рядом с Архимедом, имя которого дважды приходит автору на ум.

Таким образом, включать этот анонимный отрывок времен Анастасия в «Стратегикон» нет ни малейших оснований. Весьма характерно, что, как уже указывалось выше, ни в основополагающей — Флорентийской рукописи «Стратегикона», ни во второй по значению — Миланской рукописи фрагмент «Изыскания Урбикия» вообще не содержится, он сопровождается текст «Стратегикона» лишь в рукописях Неаполитанской, Парижской и Ватиканской. Поскольку Шеффер готовил свое издание по Парижской рукописи¹⁰¹, присоединение им «Изыскания Урбикия» к тексту «Стратегикона» объяснимо. Гораздо труднее объяснить позицию автора румынского издания. Здесь за основу взята лучшая рукопись — Флорентийская, ее достоинства обоснованы Михаэску достаточно убедительно. Румынский исследователь подчеркнул, что Флорентийская рукопись не содержит «Изыскания Урбикия»¹⁰². Тремя годами ранее он определил это «Изыскание» как «несомненное присоединение»¹⁰³ и тем не менее в издании трактата Маврикия он ввел этот фрагмент в текст «Стратегикона». Очевидно, как и в случае с наименованием трактата, Михаэску не решился противопоставить свою позицию трехсотлетнему авторитету шефферовского издания.

Укажем для сравнения, что автор русского издания «Стратегикона» М. А. Цыбышев¹⁰⁴, по нашему мнению, занял в этом вопросе более правильную позицию. Не будучи знатоком рукописной традиции, он, однако, уловил несовместимость «Изыскания» с предыдущим материалом и отказался включить этот фрагмент в свой перевод «Стратегикона»¹⁰⁵.

Третья часть книги XII фактически не относится к военно-тактической проблематике — она посвящена организации охоты на диких животных. По выражению Михаэску, эта часть имеет «лишь слабые органические связи с остальным произведением и не вдохновляется предшествующими моделями»¹⁰⁶. В отличие от «Изыскания Урбикия» фрагмент об охоте имеется во Флорентийской рукописи, тогда как в Неаполитанской, Парижской и Ватиканской рукописях он отсутствует. В издании Шеффера он тем не менее помещен — вероятно, издатель располагал не только Парижской рукописью. В русском издании 1903 г. он, естественно, оказывается опущенным; полагаем, что и в данном случае издатели поступили совершенно правильно. В издании Михаэску этот фрагмент завершает публикацию «Стратегикона».

Особыми источниками располагал Маврикий и при написании книги XI, посвященной характеристике военных обычаев и общего состояния военного дела у народов, с которыми империя входила в соприкосновение, — Маврикий сам указывает, что здесь он опирался на собственный опыт и на сочинения древних авторов¹⁰⁷. Военно-этнографические пассажи «Стратегикона» уже были объектами специальных исследований¹⁰⁸.

Таким образом, в тексте «Стратегикона» можно обнаружить по крайней мере несколько составных частей, основанных на различных источниках, отличающихся друг от друга как по тематическим, так и по хронологическим параметрам. Несмотря на это, можно констатировать достаточно прочную целостность произведения (за исключением двух последних глав XII книги, которые явно выпадают из единого комплекса). Поэтому негативная оценка «Стратегикона» как «несамостоятельной компиляции»¹⁰⁹ — точка зрения, восходящая к исследованиям К. Э. Цахарие фон Лингентала и К. Патроно, — должна быть решительно отвергнута.

Продолжение следует.

---

¹⁰⁰ Ibid., p. 372.

¹⁰¹ *Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim*, p. 383.

¹⁰² *Mauricius*, p. 13.

¹⁰³ *Mihăescu H. Prolégomènes*, p. 404.

¹⁰⁴ *Мауркий. Тактика и стратегия*: (Первоисточник сочинений о военном искусстве императора Льва Философа и Н. Макиавелли). С латинского перевел капитан М. А. Цыбышев. СПб., 1903.

¹⁰⁵ Заметим, кстати, что мотивировка Цыбышева, по недосмотру редакции, содержит явную ошибку. На с. 233 читаем: «Далее следует «*Urbicii inventum*», ошибочно приписываемое императору Маврикию, на самом деле сочинение Урбиция, жившего гораздо позднее»; последнее слово следует исправить на «ранее».

¹⁰⁶ *Mihăescu H. Prolégomènes*, p. 404.

¹⁰⁷ *Mauricius*, p. 290.

¹⁰⁸ Из новейшей литературы см.: *Zástěrová B. Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice*. Praha, 1971. См. также работы З. В. Удальцовой, указанные в примеч. 68.

¹⁰⁹ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur*. München, 1897, S. 626.